

тутов. Последние десятилетия XV в. — время образования единого Русского государства, кодификации русского права, решительного наступления на феодальные иммунитеты, упадка самостоятельной политической роли церкви. Юридическая основа возрожденной России складывалась на базе собственной традиции, о чем свидетельствует, в частности, и норма ст. 19 Белозерской уставной грамоты.

Г. М. ПРОХОРОВ

**ДВЕ ГРАМОТЫ 1655 г.: ИЗ МОСКВЫ
В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ОБРАТНО
(С ПРИЛОЖЕНИЕМ ДРУГИХ ДОКУМЕНТОВ)**

В 1961 г., сообщая в нашей печати о славянских и русских рукописях Парижской национальной библиотеки, Л. В. Черепнин написал о хранящихся там «столбцах» XVII в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря: «Из других документальных материалов Парижской национальной библиотеки обращают на себя внимание столбцы Кирилло-Белозерского монастыря. Они содержат главным образом официальную переписку между различными центральными органами управления и монастырскими властями, касающуюся ссылки в монастырь лиц разных состояний за те или иные провинности. . . Помимо вопроса о ссыльных столбцы Кирилло-Белозерского монастыря затрагивают и другие темы. В них имеется материал, интересный для характеристики монастырского хозяйства. . . Некоторые столбцы касаются действия внутривотчинной монастырской администрации».¹

Французский историк В. А. Водов в рецензии на это сообщение Л. В. Черепнина выше всего в его обзоре оценил сказанное о кирилло-белозерских столбцах: «Самая интересная часть обзора Л. Черепнина это бесспорно та, которую он посвящает дипломатическим документам. А именно речь идет. . . о документах, происходящих из архива Свято-Кириллова Белозерского монастыря (рук. 68), касающихся ряда лиц, которые были там заключены в XVII в., и в более общем плане экономической истории обители (см. с. 226—230)».²

Кажется, с тех пор никто на эти кирилло-белозерские столбцы внимания не обращал. Работая весной 1989 г. в Париже, я имел возможность с ними познакомиться. Прежде всего мое внимание привлекли грамоты, имеющие отношение к Троицкому Устьшехонскому

¹ Черепнин Л. В. Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки: (Краткий обзор) // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 227—229.

² Vodoff V. Une description du fonds slave du Département des Manuscrits de la Bibliothèque Nationale // *Révue des études slaves*. 1963. T. 17. P. 131.

монастырю, повесть о котором я сейчас публикую.³ Именно потому я взялся подготовить к печати в первую очередь эти грамоты. Но прежде чем перейти к ним, несколько слов о том, что представляет собой Slave. 68 в целом.

Эта частица кирилло-белозерского монастырского архива XVII в. хранится в коробке размером с книгу; столбцы сложены в ней в несколько раз. Тут же лежат четыре небольших листочка, как кажется, первой трети XX в., на которых от руки по-французски сделан перечень столбцов и дана такая общая характеристика коллекции: «Dossier de 10 pièces manuscrites originales émanant de Moscou (tsars et patriarches) sauf une de l'évêque de Vologda et adressées au monastère Saint-Cyrille de Biélozero, datées de 1620—1687, intéressantes pour l'histoire économique et les mœurs et pour l'histoire de ce grand monastère (noms des abbés et prieurs. . .) et pour la paléographie de la cursive du 17e s., — en bon état, plusieurs avec restes de cachets, — serait un ensemble sans doute unique en France» («Дело из десяти единиц оригинальных рукописей, происходящих из Москвы (от царей и патриархов), за исключением одной — от епископа Вологодского, адресованных в монастырь святого Кирилла Белозерского, датированных от 1620 до 1687 г., представляющих интерес для истории экономики и нравов, а также для истории этого великого монастыря (имена игуменов и настоятелей. . .), в хорошем состоянии, многие с остатками печатей, было бы без сомнений уникальным собранием во Франции»)).

А далее приписано: «Proposé par M. B. de Dehn (ancien diplomate russe), 107, rue de l'Université, qui n'indique pas de prix. Présenté par P. Pascal, 6 rue du G-al Cordonnier, Neuilly (Seine)». Из приписки ясно, что столбцы эти предложил, не обозначая их цену, некий старый русский дипломат М. Б. Ден (указан его адрес), а в Парижскую национальную библиотеку они попали через посредство известного французского русиста Пьера Паскаля (указан и его адрес); он, очевидно, и сделал на маленьких листочках рукописное описание коллекции.

Коротко скажу, отчасти повторяя Пьера Паскаля и Л. А. Черепнина, о содержании документов.

Самый древний из столбцов датирован 1620 г. Это грамота царя Михаила Федоровича «На Вологду, на Двину, на Каргополе воеводам нашим и диаком и приказным людям», которой повелевается два года — 7130 (1622) и 7131 (1623) гг. — не брать подати с разоренного Кирилло-Белозерского монастыря, а впредь взимать по-прежнему. Привез грамоту (очевидно, в монастырь) «Кирилова монастыря игумен Саватья» 24 сентября 1620 г.

О втором столбце (1655 г.) далее речь пойдет особо.

Третий столбец — грамота 1661 г. от царя Алексея Михайловича архимандриту Авраамию с приказом «в даточные отдавать из монасты-

³ См.: Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Л. (В печати).

ря людей — бравых молодцов, для долгой службы царской годных, а служек, нужных в монастыре, оставлять».

Четвертый столбец — грамота 1662 г. архиепископа Вологодского и Белозерского Маркела архимандриту Кириллова монастыря Амвросию. Жена одного из монастырских крестьян, Богдана, притязавшего на землю другого монастырского крестьянина, Андрея, ударила мать этого Андрея в бок камнем, отчего та умерла, а жене того же Андрея «камнем прошибла голову и живот выдавила». Грамота архиепископа написана в связи с челобитьем попа Флора, который освидетельствовал жертвы и имел за это неприятности.

Пятый столбец — датированный 1667 г. приказ царя Алексея Михайловича: Стеньку, «за пьянство и за безчинство» присланного в монастырь под надзор, отпустить. Снизу подклеена отписка, что Стенька отпущен.

Шестой столбец — повеление патриарха Иоасафа 1668 г.: посылаемого «с Ипатского монастыря старца Леонтия за заты и слова» посадить «под крыпкий начал»; есть отписка, что старец Леонтий прибыл.

Седьмой столбец — приказ патриарха Питирима 1673 г.: жонку Палашку, скинувшую черное платье, держать в Воскресенском Горлицком монастыре (неподалеку от Кириллова монастыря на берегу р. Шексны) под строгим началом в цепи и в монастырских трудах; есть соответствующая отписка.

Восьмой столбец — распоряжение 1681 г.: «для сынного недороду собрать с крестьян сына и привести на Москву с вотчин».

Девятый столбец — грамота 1882 г. патриарха Иоакима «на Белоозеро Кирилова монастыря архимандриту Тимофею, келарю старцу Александру з братиею», повелевающая дать протоиерею Благовещенского собора Андрею, когда его приведут из Кожеозерского монастыря, особую келью, пищу и питье братское, и во отцы — духовного старца, могущего вести в покаяние, и если пожелает постричься в монахи, то его постричь; есть отписка об исполнении.

И десятый столбец — ответная на послание кирилло-белозерских старцев грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софии Алексеевны 1687 г. архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Иосифу об отставном стрельце Микитке Каретникове, «который послан с Москвы в Кириллов монастырь за вину о даче из монастырской казны денег и хлеба и иных запасов и за непослушание его». Речь идет о его наказании «и о наряде ево на всякие монастырские работы», причем говорится: «. . . и в какой ему службе в монастыре быти пристойно, указ учинить вам по своему рассмотрению, а на пропитание ему велено давати против дворовых людей, а не против слуг, потому что он в тот монастырь послан вместо ссылки за вину, а не на пропитание».

Теперь обратимся ко второму столбцу.

Пьер Паскаль об этом столбце написал на листочке бумаги следующее: «— de Nikon à l'archim. De Biéloozero: arrêter Philarte, enfui de Iberski mon. Et l'expédier à Moscou enchaîné, 7164 (1655), Serpt. (manque le début), — avec le compte-rendu d'exécution. Cachet de

cire: main bénissannte» («— от Никона архимандриту Белоозерскому: арестовать Филарета, бежавшего из Иверского монастыря, и отправить его в Москву закованным, 7164 (1655) г., сент. (отсутствует начало), — с ответом об исполнении. Восковая печать: благословляющая рука»).

Вот что написал об этом столбце Л. В. Черепнин: «Некоторые столбцы касаются действия внутривотчинной администрации. Так сохранилась отписка патриарху Никону архимандрита Кирилло-Белоозерского монастыря Митрофана с братьей 1655 г. В ней говорится о келаре новгородского Иверского монастыря Филарете, который оттуда „збежал с слухками, не дав в монастырской казне отчету“, на устье Шексны, в Троицкий монастырь. По приказу патриарха архимандрит Митрофан должен был обеспечить сыск и поимку Филарета с его спутниками и отправку их скованных в Москву на монастырских подводах. Сопровождающим задержанных лиц было предписано их „на дороге по станам. . . беречь, чтобы они над собою дурна какова не učinили и з дороги не ушли“».⁴

Столбец состоит из двух склеенных грамот на бумаге шириной 16—16.5 см с водяными знаками «щит», 1646—1654 гг.,⁵ и «шут», 1654—1686 гг.⁶ На его обороте — остаток красной восковой печати с изображением двуперстного знамения (благословляющая рука) и запись XVII в. в четыре строки вдоль столбца: «На Белоозеро, Кирилова монастыря архимариту Митрофану, да старцу Саватѣю Юшкову, да келарю старцу Матвею з братьею. 164 году октября в 7 день приде з Москвы стрелец. Очевидно, 7 октября 1655 г. некий стрелец принес эту грамоту из Москвы в Кирилло-Белоозерский монастырь.

Ниже на обороте — запись рукой XIX в.: «Начало грамоты утрачено. 7164/1656. От патриарха Никона. Старца Филарета, бывшего в новг. Иверско<м> мон. келарем и збежавшаго и со слухками (в этом месте — значок вставки, а ниже — текст вставки, написанный другой рукой: «и потом избравшаго местом жительства Троицкий, что на устьѣ рѣки Шексны, монастырь». — Г. П.) закова<в> привести на Москву. Отписка, что исполнено». (Датировка 1656 г. сделана без учета месяца, когда грамота была писана: с 1 сентября по 31 декабря 7164 г. был еще 1655 г.).

Из упоминаемых в записях монастырей Кирилло-Белоозерский и Иверский известны гораздо лучше, чем ныне не существующий Троицкий Устьшехонский монастырь. Потому считаю нужным немного о нем здесь сказать.

В сочиненной в 1620 г. повести «О зачалѣ и о создании Троицкого монастыря, что на Усть Шексны реки» говорится, что обитель была основана в 1251 г. князем Глебом Васильковичем Белоозерским и что первый устьшехонский игумен, Геннадий, был прислан в монастырь по просьбе князя с острова Валаам, из тамошнего Преобра-

⁴ Черепнин Л. В. Славянские и русские рукописи. . . С. 227.

⁵ Дианова Т. В., Костюгина Л. М. Филиграния XVII века: По рукописным источникам ГИМ: Каталог. М., 1988. № 1045.

⁶ Там же. Знак типа № 422—516; см. также: Гераклитов А. А. Филиграния XVII века. М., 1963. № 1332—1378 — с 50-х по начало 80-х г. XVII в.

женского монастыря. Хронология повести внутренне противоречива и не согласуется с летописными известиями о белозерских князьях. Так что в точности время основания монастыря неизвестно.

Первоначально обитель стояла у Белого озера, но там ее подмывала вода, и ее дважды переносили с места на место, как и соседствующий с нею г. Белозерск: в первый раз — на оставленное городом место «Новокрестное», или «Угольной мыс», при истоке Шексны, а во второй — вниз по Шексне на место «Лимоновское», называемое так по торчавшему из речной воды камню «Лимопису». Монастырь неоднократно горел и вновь отстраивался в деревне. В 1612 г. он был разграблен, как и г. Белозерск, небольшим польско-украинским отрядом. После Смутного времени стал центром литературной работы. Помимо упомянутой повести «О зачатъ и о создании. . .», написанной, как это ясно из ее текста, в 1620 г., по-видимому игуменом (ибо содержит поучение к братии), а игуменом в 1620 г. там был Матфей, в монастыре было написано неким «многим согрешившим и непотребным» Матфеем же «Послание к некоему иноку о хмеле», дошедшее до нас в списке рубежа 20-х и 30-х гг. XVII в.

В XVII в. Устьшехонская обитель начала клониться к упадку. Как мы узнаем из повести, этому немало способствовал «лжеименный» строитель Иосиф. Чтобы стать в монастыре строителем, он подкупил московских чиновников и ограбил затем обитель (в 1612—1616 гг.). В конце концов он был изгнан, но монастырь от нанесенных ему ран, видимо, уже не оправился. Во второй половине XVII в. он потерял независимость — был приписан к Саввину Звенигородскому монастырю, а в 1764 г. разом со многими другими монастырями вовсе упразднен. В XX в. при строительстве плотин на Шексне его остатки были затоплены водой.

Публикуемые документы позволяют узнать о другой неприятной истории, связанной с еще одним устьшехонским строителем. Почему-то он был вызван патриархом Никоном в основанный им Иверский монастырь — вероятно, в момент основания (в 1653 г.) — и поставлен там келарем. Может быть, как человек, известный своей хозяйственностью и честностью? Ведь работа келаря требует именно этих качеств. Но почему-то, не дав отчета в своем хозяйстве, келарь Филарет не позже лета 1655 г. покинул Иверский монастырь, а одновременно, но не вместе с ним ушли из монастыря и монастырские служки. Станным для растратчика образом старец Филарет вернулся туда, откуда был вызван и где легко мог быть сыскан. Нельзя исключить вероятности того, что келарь и служки были не столько уголовными, сколько, так сказать церковно-политическими преступниками, бежавшими из Никонова монастыря не от материальной ответственности, а от вводимых Никоном в церкви новшеств (1653 г.). Мог бы келарь в таком случае перед уходом дать отчет в подотчетном имуществе? Для этого надо быть отпущенным начальством, в противном случае и оставленный письменный отчет не помог бы. К сожалению, ничего больше пока сказать в связи с этой историей не имею возможности. Остается фантазировать и надеяться на новые находки.

Обратимся теперь к лицевой стороне столбца, к тексту документов.

Начало грамоты, доставленной 7 октября 1655 г. стрельцом из Москвы в монастырь, утрачено. Сохранившийся текст таков:

«. . . стона. . . старец Филарет, і бысть в Новгородском уѣзде в Ыверском монастырѣ в кларѣх, и из Ыверского монастыря збежал с служками, не дав в монастырьской казни отчету, а ныне живет и с служками в том же Троицком монастырѣ, что на Усть Шексны реки.

І как к вам ся наша грамота придет, і вы б в Троицкой монастырь, что на Усть Шексны рѣки, послали от себя из монастыря келаря, старца Матвѣя, с слугами і велели Иверского монастыря бывшаго келаря старца Филарета і с служками сыскать, а сыскав, велѣли ево, старца Филарета, і служек, которые с ним збежали, сковав, привести к нам к Москве на их монастырьских подводах, і на дороге по станом велѣли их беречь, чтобы они над собою дурна никакова не учинили и з дороги не ушли.

А которого месяца и числа ево, старца Филарета, и служек к нам, к Москве, пошлете и с кѣм имянем, і вы б о том отписали, а отписку велѣли подати тому, с кѣм пошлете, с старцем и с служками, явитца в нашем розряде боярину нашему Борису Ивановичу Нелединскому да дьяком нашим Ивану Кокошилову да Лукьяну Толосову.

Писан на Москвѣ лѣта 7164 (1655) сентября в 8 день».

К этой грамоте снизу подклеена копия посланного из Кирилло-Белозерского монастыря в Москву ответа. На обороте копии ниже записи XIX в. рукой XVII в. поперек столбца с большими разрывами между словами написано: «Діаку Ивану Кокошілову». А еще ниже сделана почерком XVII в. такая запись: «Такова бѣлая отписка послана ко государю патриарху к Москвѣ с монастырьским слугою с Евсвѣем Ащериным 164 году октября в 13 день. И к строителю Паисѣю писано».

Привожу теперь текст отписки:

«Великому государю святѣйшему Никону патриарху Московскому і всеа Великия и Малыя Росіи.

Царьского богомолья и твоего государ'ства Успения Пресвятыя Богородицы Кирилова монастыря архимарит Митрофан, чернец Саватѣя Яшков, келарь чернец Матфѣй з братьєю Бога молит і челом бьет.

В нынѣшнем, государь, во 164-м году, октября в 7 день, прислана к нам, богомолцом твоим, в Кирилов монастырь твоя государева святительская грамота за подписью дьяка Ивана Кокошилова, а в грамоте написано:

По твоему государеву указу, взят бысть з Бѣла озера ис Троецкого монастыря с Усть Шексны рѣки строитель старец Филарет, и был в Новгородском уѣзде в Ыверском монастыре в келарех, і из Ыверского монастыря збѣжал с служками, не дав в монастырьской казни отчету. А нынѣ дѣ он живет і с служками в Бѣлозерском уѣзде в том же Троецком монастыре на Усть Шексны рѣки. И нам бы, богомолцом твоимъ, в тот Троецкой монастырь на Усть Шексны рѣки послать ис Кирилова монастыря келаря старца Матфѣя с слугами, і велѣть Иверского монастыря бывшего келаря старца Филарета

і с служками сыскаць, а сыскав, велѣть его, старца Филарета, і служек, которые с ним збѣжали, сковав, прислать к тебѣ, государю, к Москвѣ на их монастырскихъ подводах, и на дороге по станом велѣть их беречь, чтоб они над собою дурна никакова не учинили и з дороги не ушли.

А которого месяца и числа ево, старца Филарета, і служек к Москвѣ пошлем и с кѣм имянем, и нам бы о том к тебѣ, государю, отписать, а отписку велѣть подать, и старца Филарета объявить, і служкам, с которыми пошлем, явится в твоём государеве розряде боярину Борису Ивановичу Нелединскому, да дьяку Ивану Косошилову, да Лукьяну Толосову.

І в нынешнем, государь, во 164-м году, октября во 12 день, по твоему государеву указу посылали мы, богомолцы твои, іс Кирилова монастыря келаря старца Матфѣя с служками в Троецкой монастырь на Усть Шексны рѣки того старца Филарета и служекъ, которые с нимъ из Ыверского монастыря збежали, сыскивать.

І старец Филарет сыскан, а про служек, государь, которые с ним, с старцем Филаретом из Ыверского монастыря бѣжали, Троецкаго монастыря Усть Шексны рѣки ігумен Феодосей з братьею сказали: В Троецком дѣ монастырѣ их нѣт и не бывали, и про них не знают.

І старца, государь, Филарета, сковав, послали к Москвѣ с монастырскими служки, с Евсивейком Ащериным да с Ывашком Козминным с товарищи, на их монастырскихъ подводах сего числа и приказали ево беречь, чтоб над собою дурна какова не учинил и з дороги не ушел, а отписку велѣли подать, старца Филарета обѣъявить і служкам яви(ть)ся в твоём государевем розряде твоему государеву боярину Борису Ивановичю Нелединскому, да дьяку Ивану Косошилову, да Лукьяну Толосову».

Составим теперь список действующих лиц драмы, о которой идет речь в грамотах.

Старец Филарет — строитель в Устьшехонском Троицком монастыре, потом келарь в Иверском, затем беглец из Иверского монастыря в Устьшехонский, после чего — монах-старец в той же Устьшехонской обители; 12 октября 1655 г. арестован и закован, а на следующий день, 13 октября, на монастырской подводе в оковах под строгим надзором отправлен в Москву в Патриарший приказ, где его ждет следствие и наказание. Дальнейшая его судьба неизвестна. Как мы скоро увидим, бывали случаи, что конвоируемые по дороге «из желез» сбежали.

Служки, бежавшие из Иверского монастыря одновременно со старцем Филаретом. Не сысканы.

Никон — святейший патриарх Московский и всея Великия и Малыя России, создатель Иверского монастыря, по чьему указу строитель Устьшехонского монастыря Филарет был переведен туда келарем; номинальный автор посланной в Кирилло-Белозерский монастырь грамоты и номинальный адресат монастырской отписки; инициатор многих репрессий.

Боярин Борис Иванович Нелединский — глава Патриаршего разряда в Москве. Скоро мы познакомимся с двумя царскими грамо-

тами 1647 г. из Кирилло-Белозерского монастыря, касающимися его родственников.

Иван Кокошилов, составитель патриаршей грамоты 8 сентября 1655 г., получатель (примерно в середине ноября того же года) ответной монастырской, и Лукьян Толосов — дьяки Патриаршего разряда. Оба они, как и их начальник боярин Борис Иванович Нелединский, знакомы нам по патриаршей грамоте в Кириллов монастырь 1657 г., с которой мы тоже скоро познакомимся.

Стрелец, вышедший из Москвы с патриаршей грамотой 8-го или в один из следующих дней сентября 1655 г. и пришедший в Кирилло-Белозерский монастырь 7 октября.

Архимандрит Митрофан, соборный старец Савватий Юшков и келарь Матфей Никифоров — правители Кирилло-Белозерского Успенского монастыря, получатели патриаршей грамоты. Они тоже знакомы нам по документам 1657 г. Старец Савватий Юшков известен, кроме того, по грамотам 1647 г., когда он был в монастыре келарем; в документе 1657 г. он назван *соборным* старцем. Из этого же документа известна фамилия келаря Матфея — «Микифоров».

Участники сыскной экспедиции 12 октября 1655 г. из Кирилло-Белозерского монастыря в Устьшехонский: уже упомянутый келарь старец Матфей Никифоров, он же, судя по всему, автор ответной отписки 13 октября 1655 г. на имя патриарха, и служки Кирилло-Белозерского монастыря Евсевийка Ащерин и Ивашка Козмин с товарищи. Эти служки — затем конвоиры, отправившиеся с законным старцем Филаретом и с монастырской грамотой в путь в Москву 13 октября 1655 г. с предписанием во время проездов и остановок «по станом» особо зорко смотреть, чтобы арестант, хорошо, наверное, представлявший, что его ожидает, «над собою дурна какова не учинил и з дороги не ушел»; их задача — самим явиться, отписку подать и старца Филарета сдать названным выше боярину и дьякам Патриаршего разряда, точнее же занимавшемуся этим делом дьяку Ивану Кокошилову.

Игумен Троицкого Устьшехонского монастыря Феодосий с братьей. Отвечали на вопросы участников розыска и предоставляли подводы для проезда конвоиров с законным старцем в Москву.

Строитель Павсий. Ему кирилло-белозерское руководство тоже написало о поимке беглеца. Вероятно, строитель Иверского монастыря, под началом у которого служил келарем старец Филарет. После бегства Филарета и служек он заявил об этом в Москву в Патриарший разряд, после чего там и начали сыск.

I. Грамоты 1647 г. о ссылке и помиловании Елизария Нелединского.

1. Архив ЛОИИ СССР, кол. Н. К. Никольского, ф. 260, оп. 1, № 72. Грамота царя Алексея Михайловича от 6 февраля 1647 г., доставленная в Кирилло-Белозерский монастырь 16 марта 1647 г. приставом «трубником» Иваном Ругодиным, или Руготиным, конвоировавшим ссыльного Елизарья Нелединского. Текст ее лицевой стороны:

«От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси: на

Белоозеро в Кирилов монастырь богомолцом нашимъ игумену Антонию, да старцу Феоктисту Колединскому, да келарю старцу Саватѣю Юшкову з братьею.

По нашему указу послан к вам под начал за безчинство Елизарей Нелединской с приставомъ с Ываном Руготиним. И какъ к вам ся наша грамота придет, и вы б Елизарья Нелединского у пристава у Ивана Руготина, взяв, отдали под начало старцу добру и велѣли ему в церкви Божіи ходити безпрестанно. А которого числа ево, Елизарья, у пристава, у Ивана Руготина, возьмете и кому именем старцу под начал отдадите, и вы б о том отписали к нам к Москве Большого дворца боярину и дворецкому нашему князю Алексею Михайловичю Львову, да діаку нашему Ивану Федорову, да Давыду Дерябину.

Писанъ на Москвѣ лѣта 155-го февраля въ 6 день».

На обороте почерком XVII в.:

«На Белоозеро в Кирилов монастырь богомолцом нашимъ игумену Антонию, да старцу Феоктисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею».

И другим почерком XVII в.:

«155-го года марта въ 16 день приехал с Москвы трубникъ Иван Ругодин».

Отметим новые для нас лица:

Антоний — кирилло-белозерский игумен,

Феоктист Колединский — кирилло-белозерский старец,

Алексей Михайлович Львов — князь, боярин царского Большого дворца и дворецкий,

Иван Федоров — царский дьяк,

Давыд Дерябин — царский служащий,

Иван Руготин, или Ругодин, — конвоир, пристав, «трубник» (трубач?).

2. Архив ЛОИИ СССР, кол. Н. К. Никольского, ф. 250, оп. 1, № 81. Грамота царя Алексея Михайловича от 27 августа 1647 г., доставленная в Кирилло-Белозерский монастырь «Елизарьевым человеком» Матфеем 10 сентября того же года. Текст ее лицевой стороны (опускаю такие же точно начало и обращение, как в предыдущей грамоте):

«. . . Били нам челом Елизарьевы дѣти Нелѣдинского — Иван, да Борис, да Семен, да Семен же, да Прокофѣй. По нашему указу и по челобитью дядьевъ их, Федора Игнатъева, сослан отецъ их под начал к вам в Кирилов монастырь. И ныне де отецъ их в Кирилове монастырѣ, а дядья де их на нашей службе на Ливнах, а сии Елизарьевы дѣти розорены без остатку от недруга, от Богдана Моклокова. И по челобитью ево, Богданову, взяты люди их в разбойной приказ тричадки. А ныне отецъ их в умѣ искрепчал и пришел в чювство. И нам бы их пожаловать, велѣти б отца их ис Кирилова монастыря свободити и дати б о том нашу грамоту.

И какъ к вам ся наша грамота придетъ, а Елизарей Нелединской будетъ в умѣ искрепчал, и вы б ево ис под начала свободили. А которого числа ево из под начала свободите, и вы б о том отписали к нам

к Москве (вставка: «а отписку велѣли подать». — Г. П.) и Елизарью явитца в приказе Большого двора боярину и дворецкому нашему князю Алексею Михайловичю Лвову, да дьяку нашему Ивану Федорову, да Давыду Дерябину, да Смирному Богданову.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7155-го августа въ 27».

На обороте запись рукой XVII в.:

«156 года сентября в 10 день Елезарьев человекъкъ Матфей пришел».

Новые лица:

Иван, Борис, два Семена и Прокофий — дети Елизария Нелединского,

Федор Игнатъев — их дядя (по матери?),

Богдан Маклаков — их недруг,

Смирной Богданов — царский служащий,

Матфей — человек Елизария Нелединского.

Принадлежавший к московским служилым боярам Борис Иванович Нелединский мог быть внуком сославшегося в монастырь за бесчинство, а затем по просьбе сыновей (при условии, что он «в уме искрепчал и пришел в чюство») помилованного царем Елизария Нелединского сыном его сына Ивана. Если, конечно, не более далеким «боковым» родственником.

II. Документы о ссылке и побеге старца Киприана.

Архив ЛОИИ СССР кол. Н. К. Никольского, ф. 260, оп. 1, № 178.

1. Грамота патриарха Никона от 7 марта 1657 г., доставленная в Кирилло-Белозерский монастырь 26 марта того же года служкой Василием Сийским. Текст ее лицевой стороны:

«От великого государя святѣйшаго Никона патриарха Московского и всеа Великия и Малыя и Белыя Росіи на Белоозеро Кирилова монастыря архимариту Митрофану, да соборному старцу Саватѣю Юшкову, да келарю старцу Матфею з братею.

По нашему указу послан к вам в монастырь под начал старецъ Купреян, что был в Муромѣ в Спаском монастыре строителем. И какъ к вам ся наша грамота приидет, а стряпчей вашъ того старца Киприана к вам в монастырь с кѣмъ и кѣмъ именемъ пришет, и вы б его в Кирилов монастырь велѣли принять, и велѣли его держать в хлѣбне, и с монастыря спущать не велѣли до нашего указа.

А которого месяца и числа того старца Кипреяна в монастырь примете и под начал отдадите, и вы б о том отписали к нам к Москвѣ, а отписку велѣли подать в нашемъ розряде боярину нашему Борису Ивановичю Нелединскому да дьякомъ нашимъ Ивану Кокошилову да Лукьяну Толосову.

Писан на Москвѣ лѣта 7165 марта в 7».

На обороте — круглая красная восковая печать с изображением сложенной дуперстным знаменем благословляющей кисти руки (такой же точно, как на грамоте 1655 г.) и запись: «165 года марта въ 26 день, в пяток, подал грамоту в Кириловъ монастырь служка Василей Сийской».

Кроме строителя муромского Спасского монастыря Киприана и его конвоира Василия Сийского (из следующей грамоты известно его отчество: Дмитриева сына) новых для нас лиц здесь нет.

2. Ответная грамота (опускаю начинающий ее пересказ только что приведенной патриаршей грамоты):

«. . . I в нынѣшнем, государь, во 165 году марта въ 26 день привез к нам, богомолцом, в Кирилов монастырь твою, государеву, грамоту о подначалнике старце Киприяне Кирилова монастыря служка Васка Сийской, а про старца Киприяна сказал, что де у него тот старецъ в дороге на желѣз ушел бѣзвѣсно. I о том в Кириловѣ монастырѣ допрашивали. А что в допросе сказал, и тот его допрос, и те его рѣчи за его рукою послали мы к тебе, государю, под сею отпискою. I о том как ты, государь, великий святитель, укажешь».

На обороте запись:

«Такова отписка послана к Москвѣ ко государю патриарху с монастырским служкою с Ортюшкою Волоцким 165 году апрѣля въ 10 день».

Новое лицо — монастырский служка Артюшка Волоцкий.

3. На подклеенном к отписке листе читаем следующий текст:

«Список. 165 году марта въ 26 день подал сию великого государя, святѣйшаго Никона, патриарха Московского и всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи, грамоту в Кириловѣ монастыре архимариту Митрофану, старцу Саватѣю Юшкову, келарю старцу Матфею Микифорову з братьею служка Василей Дмитриевъ сынъ Сийской.

А про старца Киприяна сказал, что у него тот старецъ на дороге в Пошехонском уезде у рѣки Шексны в деревне Василisine ушел безвѣсно. И за ним де гонял, и сыскать его не мог.

Речи записал монастырской дьячек Первушка Даниловъ. Позади писано. К семь рѣчам Васка Дмитреевъ руку приложил».

Еще одно и последнее новое лицо:

Первушка Данилов — монастырский кирилло-белозерский дьячек.